

Н И К О Л А Й
СВЕЧИН

Завещание
Аввакума

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Художественное оформление *Петра Петрова*

Свечин, Николай.

С24 Завещание Аввакума : роман / Николай Свечин. —
Москва : Издательство «Э», 2016. — 224 с. — (Детектив
Российской империи).

ISBN 978-5-699-88719-4

Лето 1879 года. На знаменитую Нижегородскую ярмарку со всех концов Российской империи съезжаются не только купцы и промышленники, но и преступники всех мастей – богатейшая ярмарка как магнит притягивает аферистов, воров, убийц... Уже за день до ее открытия обнаружен первый труп. В каблуке неизвестного найдена страница из драгоценной рукописи протопопа Аввакума, за которой охотятся и раскольники, и грабители из шайки Оси Душегуба. На розыск преступников брошены лучшие силы полиции, но дело оказывается невероятно сложным, раскрыть его не удается, а жестокие убийства продолжаются...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Свечин Н., 2016

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-88719-4

Я знал Санкт-Петербург, Москву,
но мне еще не ведом был Нижний
Новгород. А можно ли жить, не по-
видав Нижнего Новгорода!

Теофиль Готье

Глава 1

«Мертвая тело»

Как известно, в Российской империи три столицы: сановный Петербург, Первопрестольная старушка Москва и – нерусская, почти европейская Варшава. Но есть и еще одна столица, четвертая, которая становится таковой лишь на полтора месяца в году, с 15 июля по 25 августа. Это – Нижний Новгород, красавец град у слияния Оки и Волги. Город делает ярмарка, знаменитая, самая большая в мире по оборотам, самая населенная, самая шумная. Нигде такой больше нет. На эти полтора месяца население Нижнего Новгорода увеличивается в десять раз! За сезон по торговым рядам проходит более пяти миллионов человек при коренном населении города в сорок пять тысяч! То-то раздолье...

Алексей Лыков встал, как обычно, в семь, наскоро попил чаю, сделал силовую гимнастику, надел статское (почти уже привык) и побежал на службу. Жил он на Благовещенской улице, под монастырем, аккуратно напротив ярмарки, на правом берегу Оки. Втроем с матушкой и сестрой они снимали скромную четырехкомнатную квартиру в доходном доме купца Медведева. Алексей служил вот уже четвертый месяц помощником квартального надзирателя в Макарьевской части, в той самой, куда входят ярмарка вместе с Кунавином. Путь Лыкову на ярмарку лежал через плашкоутный мост, на другой берег Оки, где уже приготовили для торжественного открытия торгов арку и флачные башни. Завтра же, 15 июля 1879 года. Ярмарка откроется в шестьдесят второй раз.

Алексей манежным галопом, как выражался покойный батюшка, пересек наплавной мост, свернул налево, по длинной Александро-Невской улице добрался до Главного дома и не мешкая прошел в правый флигель, где помещалась полицейская часть. Успел за десять минут до развода, поздоровался с непосредственным начальником — квартальным надзирателем «чистого» 8-го квартала Ничепоруковым, с остальными девятью

квартирными, их помощниками, сыскным надзирателем Макарьевской части Иваном Ивановичем Здобновым (покровителем и наставником) и стал во фронт перед клеенчатой дверью кабинета пристава.

«Сам» — пристав Львов — задерживался с выходом, о чем-то секретничал с прибывшим начальством. Скоро туда вызвали и Ивана Ивановича. Остальные полицейские, числом более пятидесяти, толпились в просторном приемном зале Макарьевской части, лениво переругиваясь и пересмеиваясь друг с другом. Лыков заметил, что все три помощника пристава (два из них, конечно, временные, на период ярмарки) мнутя у дверей начальства, и вид у них сконфуженный — не позвали! Что ж там за тайны такие?

Но вот дверь открылась, кто-то изнутри помянул пальцем постоянного помощника пристава, тот зашел и тотчас вышел, скомандовав:

— К разводу становись! Равняйся! Смир-р-р-но!

Сразу же появился частный пристав, натягивая перчатки, козырнул по-военному небрежно:

— Вольно! Слушай инструкцию.

Завтра ярмарка. Купцы и негоцианты съезжаются, товары все уже свезены; власти, таможня, банк, больница, полиция — все подготовлено. На-

чинается наша полуторамесячная баталия, спать будет некогда. Его превосходительство господин губернатор изволил вчера собрать совещание по вопросу охранения порядка на ярмарке. Нам с господином полицмейстером поставлено на вид, что в прошлом годе действиями полиции, и особенно нашей Макарьевской части, были серьезно недовольны. Пять нераскрытых убийств! (пристав поднял вверх указательный палец, обтянутый белой лайкой) более сорока грабежей! тридцать две кражи со взломом! и (он сверился по бумажке) более ста покушений на личность!

Сделав значительную паузу и пообеда всех строгим взглядом, пристав продолжил:

— Нижегородская ярмарка, как магнит, притягивает сброд со всех концов империи и даже из-за ее пределов. Мильен посетителей, и все богатые зеваки; понятно, что полиции трудно. Я пояснил это его сиятельству. Он понимает наши обстоятельства, но просит — слышите? просит! — постараться. Генерал-лейтенант, граф и многих орденов кавалер Павел Ипполитович Кутайсов просит нас постараться. Он сам сегодня переезжает в казенную ярмарочную квартиру, в нашем же здании находящуюся, будет здесь вместе с нами дневать и ночевать, обещает всяческую под-

держку. Кроме того, как вы знаете, к нам назначен временным генерал-губернатором граф Игнатьев, тот самый, знаменитый, и он уже выехал. С ним шутки плохи! Стыдно нам будет всем, если ударим мы в грязь лицом перед таким человеком. Стыдно. Тем более, мы вдвое в нынешнем годе увеличили штат помощников квартальных надзирателей, взяли толковую молодежь, некоторые даже с полным средним образованием, языками владеют и повоювать успели.

«Это ведь обо мне!» — понял Лыков и, точно, поймал на себе одобрительно-требовательный взгляд начальника.

— Всякое ворье беспременно наметилось к нам на ярмарку. Со всех концов собираются, некоторые уже, наверное, здесь и сегодня вам на улицах попадутся под видом честных обывателей. Надо их уметь отличить! Посему заслушайте внимательно сообщение надворного советника Благово, всем вам хорошо известного помощника начальника сыскной полиции.

Пристав Львов отошел в сторону, на его место встал седовласый, в возрасте уже мужчина в модном зауженном сюртуке, с седыми же усами и цепким, каким-то особенным взглядом — провел по рядам и всех тот час увидел.

— Прошу внимания! — негромко, как бы по-дружески сказал он. — Господин пристав важность задачи уже объяснил. Да вы и сами понимаете — новый генерал-губернатор скоро прибудет, особа знаменитая, турками даже весьма уважаемая, хочет, чтобы первая его, в роли губернатора, ярмарка прошла хорошо. Человек он серьезный, кричать не любит, но дело знает и видит всех насквозь. Такого начальника у нас никогда еще прежде не было, и то сказать — недолго в Нижнем и продержат, надо успеть постараться, пока в столицу не забрали эдакого орла. Опять же и перед обществом мы обязаны порядок соблюсти, нам за это государь жалованье платит. Так что приказ нам всем и просьба — постараться.

Теперь об жуликах.

Благово кашлянул в кулак и раскрыл папку, почтительно поданную ему Здобновым.

— Петербургское сыскное сообщает: выехал к нам в Нижний двенадцатого июля безуспешно разыскиваемый ими убийца и грабитель Осип Лякин по кличке Ося Душегуб, русский, тридцати пяти лет от роду, ростом два аршина 10 вершков¹, цвет волос черный с проседью, глаза

¹ 186,5 сантиметра.

карие, взгляд тяжелый, властный, неприятный, усы черные завитые книзу, на левой скуле шрам от чирья. Одевается купцом. Доказанно убил в Питере за 78–79-й годы четырнадцать человек. По сведениям агентуры, был здесь на ярмарке о прошлом годе, уехал с добычей, наверняка и у нас кого-то порешил. Душегуб не только по кличке, но и по призванию, если позволительно так сказать. Страшный человек. По уголовной табели о рангах — «иван», то есть крупный преступный авторитет. Если кто его опознает — в одиночку и не думайте, зовите подмогу. Всегда носит с собою нож и кистень. Год назад зарезал участкового пристава Литейной части Трегубова, пытавшегося его арестовать всего с одним городовым; городской тоже убит.

С ним, по-видимому, выехал его ближайший помощник Сашка Регент, русский, рост два аршина, семь с половиной вершков¹, усы и бороду бреет, волосы русые, глаза голубые, лицо правильное, уши прижатые, особая примета — нет мизинца на левой руке. Тоже весьма опасен: хорошо владеет ножом, душит ремнем, очень ловок — был прежде цирковым акробатом.

¹ 175 сантиметров.

Далее. Варшавское сыскное сообщает: к нам выехала шайка взломщиков сейфов, где верховодит Владек Плотковский по кличке Блысковица, что сиречь Молния. Приметы: рост два аршина восемь вершков...¹

...Алексей Лыков застыл в строю, на левом фланге, около своего квартального Ничепорукова, слушая вполуха и легко запоминая все сказанное городским сыщиком. Память у него была отменная — спасибо покойному батюшке, заставил ее развивать.

Батюшка вообще много чего успел сделать для единственного сына, прежде чем умер: и мораль христианскую привил, и память поставил, и силу значительную гимнастикой (первое время, признаться, из-под палки), и языки заставил учить серьезнее, чем в гимназии требовалось; также книжки читать поощрял, не как некоторые родители. Кроме того, сам по происхождению из мещан, выслужил он сыну и всем последующим потомкам рода Лыковых дворянство. Казалось бы, не велика птица — отставной подпоручик, но славный орден Святого равноапостольного князя Владимира с мечами и бантом получил. За

¹ 178 сантиметров.

шестьдесят третий год, за Польшу, где он остался единственным живым офицером в роте, с двумя пулевыми и штыковым ранениями. Алексей с тех пор не любил поляков, всегда помня, как они батышский век укоротили... Умер отставной подпоручик всего год назад, сорока шести лет от роду, из-за простреленного панамой легкого. Алексей на похороны не попал — сам в это время валялся в госпитале в Тифлисе, тоже с пробитым легким. Здоровый турок попался, арабистанец (лучшее у османов войско), борода до пояса, глаза безумные, чисто его кинжалом под сердце ткнул, когда они Столовую гору штурмовали. Спасибо другу, такому же пластунику Гиляровскому, необыкновенно сильному и ловкому человеку — из-за спины Алексея выпрыгнул, поднял арабистанца на штык и нес несколько аршин перед собой, как жука на булавке, а тот все пытался его кинжалом достать, пока не помер.

Алексей на секунду вернулся сознанием в зал, где Благово негромко, но очень отчетливо, не торопясь, чтобы лучше запомнили, читал:

— Одесское сыскное сообщает: исчез из города и, как похвалялся в ресторации, уехал в Нижний мошенник по бриллиантовой части Мойша Наппельбаум, сорока лет, усы и борода

бреет, кожа смуглая, прыщавая, лицо восточное, на жиду не похож, потому часто одевается армянином. Особая примета – слева вверху золотой зуб...

«Не забыть сказать Гаммелю... и про варшавских воров также», – подумал Алексей и снова нырнул в военные воспоминания – как восстанавливал после госпиталя здоровье в Геленджике, как уже после окончания войны ловил с терскими казаками продавшихся туркам чеченов – братьев Алибековых, рубился на саблях со старшим и раскрыл ему череп, а младший потом с другими кровниками гонял его по горам. Никому Алексей этого не рассказывал, особенно матушке с сестрицей, только иной раз за чаем Ивану Иванычу Здобнову, чтобы совсем уж за мальчика не держал. Иван Иваныч – матушке троюродный брат, он и привел Лыкова в полицию, когда тот, отлечившись от второй раны, уволился из Кавказской армии и, дома отдохнув, стал искать занятие.

– ...Покамест все, господа. Попробуйте запомнить, а письменно это все будет у господина пристава. Из перечисленных жуликов на пятерых имеются фотографические портреты; господ кварталных прошу подойти и получить. У меня все.

Через несколько минут Лыков, распираемый молодостью, хорошей погодой и служебным рвением, походным шагом шел из полицейской части на свой пост. Здобнов расстарался и квартал ему выхлопотал приличный: бриллиантчики, золотых и серебряных дел купцы, книготорговцы, парфюмерные и мануфактурные лавки. Покупатель здесь солидный, товар дорогой, работа чистая, но рисковая — не дай Бог, прошляпишь что у таких солидных людей, никакой Здобнов не спасет.

Алексей увидел, что ему приветливо кивает вышедший из банковской конторы как раз эдакий солидный господин в песочной визитке. Из-за его спины дружески махнул рукой огромный парень, без трех вершков сажень¹, с кудлатой головой и прямоугольной челюстью, Это были московский ювелир Гаммель и его телохранитель Марк по кличке Каланча. Гаммель был еврей-выкрест из единоверцев и держал в Москве на Кузнецком магазин с хорошими оборотами. Человек богатый, умный и в делах безукоризненно честный, как говорили все опрошенные уже Лыковым в его квартале торговцы.

¹ 200 сантиметров.